

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Тема этого «Форума» была предложена нашими читателями. В обсуждении вопросов, связанных с отбором, хранением и использованием устных материалов в архивах, приняли участие специалисты в области антропологии, фольклористики, лингвистики, устной истории. Как показали ответы, некоторым эта тема видится шире или с иначе расставленными акцентами, чем она представлена в вопросах редколлегии. По этой причине мы решили дополнить полученные реплики специально записанным интервью, в котором своим видением ситуации поделилась Татьяна Иванова.

Начнем с некоторых аспектов данной темы, не попавших в вопросы. Как выясняется, для многих научных центров и университетов ключевой проблемой становится само создание и сохранение архива экспедиционных материалов. Отсутствие полноценного хранилища (или хотя бы фольклорного кабинета) и «оседание» материалов на руках участников экспедиций приводит к тому, что исследовательский центр выпадает из научного пространства, чему известно немало примеров (Татьяна Иванова). Причину

недолговечности полевых архивов и их фондов (в первую очередь, университетских) можно видеть в том, что большинство из них «не имеет юридического статуса архива; работа, связанная с хранением, обработкой и публикацией полевых материалов, не финансируется. Полевые записи не обрабатываются должным образом, теряются, записи на магнитных лентах размагничиваются. Отсутствует общая справочная информация о таких архивах и хранящихся в них коллекциях» (Ирина Назарова).

Последнее обстоятельство приводит к тому, что в таких архивах материалы оказываются востребованы только узким кругом исследователей (самими участниками экспедиций и другими сотрудниками данного научного центра) в течение короткого промежутка времени. Их актуальность в дальнейшем становится неочевидной, соответственно теряют смысл атрибуция, систематизация и хранение, рассчитанные на внешних и будущих исследователей. Получается, что научное сообщество более ориентировано на то, чтобы постоянно собирать новый полевой материал для «одноразового использования», чем на создание общего фонда, имеющего долгосрочные перспективы. Одним из проявлений этого является почти полное отсутствие обмена информацией между научными центрами (за исключением небольшого числа крупных архивов, имеющих официальный статус) об уже существующих коллекциях устных материалов и новых поступлениях.

«Использование и введение в научный оборот архивных фольклорно-этнографических материалов разных хранилищ происходит крайне неравномерно. Наиболее “прозрачны” для стороннего исследователя архивы первого типа [крупные специализированные архивы]: сведения о них содержатся в разнообразных межархивных справочниках, более того, существуют обзоры и справочники по самим собраниям, специальные исследования истории формирования собраний и даже проекты частичной и полной публикации материалов. С поиском информации об архивах второго [полевые архивы экспедиций] и третьего типа [материалы, “растворенные” в архивах иного профиля] все обстоит несколько сложнее. Современные полевые архивы, как правило, существуют при разнообразных учреждениях, проводящих экспедиции. Никакой обобщающей справочной информации ни об этих собраниях, ни о фольклорных центрах России, занимающихся полевыми исследованиями, на сегодняшний день не имеется» (Александра Ипполитова).

Разумеется, ценность уже существующих коллекций и необходимость их поиска быстрее осознается в тех областях, где

1

источники информации ограничены. Елена Перехвальская пишет о «самодеятельных» архивах — собраниях материалов, которые хранятся в школах, клубах, национальных культурных центрах и семьях. Для лингвистов, занимающихся неизученными или малоизученными языками, которыми современные носители владеют плохо, на первый план выходит именно поиск старых записей.

В ответах на первый вопрос многие сходятся в том, что отбор устных материалов в задачи архива вообще не входит, он определяется целями конкретного полевого исследования, пониманием своего предмета (например, области «фольклорного») участниками экспедиции.

«Если в архиве достаточно пространства (физического или электронного), то отбора как такового вообще не должно быть — он уже произошел на этапе подготовки экспедиции и сбора информации в соответствии с интересами собирателя. Никогда не знаешь, что может пригодиться; почти наверняка другие исследователи, разрабатывая свою тему, смогут найти в чужой записи что-то такое, о чем собиратели или организаторы архива не думали» (Валерия Колосова).

«Организуя и проводя экспедицию, мы нацелены на сбор всех возможных материалов по изучаемой территории. Опыт показывает, что некоторые записи, не отвечающие, на первый взгляд, целям и задачам данного полевого исследования, могут пригодиться в дальнейшем, и не только собирателю, который их обнаружил и зафиксировал, но и другим исследователям. <...> Задача сотрудников фольклорно-этнографического архива, зачастую самих же собирателей, состоит в том, чтобы всем документам определить место хранения, описать, классифицировать, сохранить и, конечно, обеспечить к ним доступ» (Юлия Крашенинникова).

Это же относится и к разным типам устных материалов: фактически все, собранное в ходе экспедиции, может быть помещено в архив. Помимо собственно фиксации устной речи (полевых записей и дневников), это разного рода фотографии и видео, сделанные собирателями, материалы, полученные от информантов, местных активистов, краеведов и прочие сопутствующие источники информации. В лингвистические коллекции, разумеется, попадут записи текстов на тех или иных языках, словари, списки слов и т.д.

Другое дело, что представления о своем объекте в некоторых дисциплинах претерпели значительные изменения, в первую очередь в фольклористике. Кардинально изменилось и техническое оснащение экспедиций, предоставляющее сейчас

несравнимо более широкие возможности аудио- и видеофиксации по сравнению с ситуацией даже десятилетней давности. То и другое сказывается на типах устных материалов, поступающих в архивы.

В этой связи Наталья Комелина даже предлагает разделять архивы на «традиционные», которые представляют собой хранилища преимущественно рукописных материалов и относительно небольшого числа фонограмм, и современные, где основной единицей хранения является не фольклорный или музыкальный текст определенного жанра, а целое интервью. При этом, как она сама замечает, в «традиционные» архивы, подобные архиву Пушкинского Дома, поступают и новые записи, что создает ряд проблем: «Современные полевые записи плохо встраиваются в старую схему фольклорных жанров, и использовать старые принципы описания звукового фольклора в современных условиях довольно сложно».

Как пишет Татьяна Володина, на формирование архива Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси повлияли «два основных фактора: фундаментальный (понимание фольклора как искусства слова, устно-поэтического творчества) и прикладной (острый дефицит технических средств и комплектующих, прежде всего бобин и кассет). <...> В 1990-е гг. выезжали с двумя-тремя кассетами, на которые записывались исключительно песни или яркие образцы народной прозы, тогда как весь сопровождающий материал фиксировался от руки в тетрадь (или не записывался вообще). Соответственно, основной фонд архива составляют именно “штучные” записи, как в аудиоформате, так и в расшифровках. <...> При такой организации труда в целом не возникали вопросы о границах материала для оформления в качестве архивных дел. Ситуация резко изменилась с началом 2000-х, когда появились цифровые записывающие устройства, а более молодое поколение фольклористов устремилось в ранее мало исследованные области народного творчества, далеко выходящие за границы песенных репертуаров. <...> На современном этапе акцентируется синкретичность фольклорного творчества и стремление в связи с этим представить народную культуру в комплексе. Первые дела “по новому образцу” включают аудио- (реже видео-) файлы, расшифровку (текстовый документ), фотографии, подробную опись. Именно такой подход (пока осуществляемый с трудом и очень медленно) может соответствовать современному пониманию объекта фольклористики как науки».

Соответствие информации, которую содержат коллекции устных материалов, нуждам современных и будущих исследовате-

лей, по мнению ответивших на этот вопрос, также зависит преимущественно от участников экспедиционной работы — того, как представляли предмет исследования и задачи конкретные ученые или руководители студенческой полевой практики; насколько полно были записаны сведения об информанте, собирателе и т.д.

«Адекватность <...> данных может определяться, наверное, как минимум двумя критериями. Во-первых, (условно говоря) содержанием: если это фольклорный архив — это должны быть данные, фиксирующие фольклорные факты (в широком понимании) и весь спектр сведений, соотносящихся с ними. Во-вторых, паспортизацией: чтобы такие материалы могли быть полноценными источниками для пользователей, они должны иметь данные об истории их получения и информанте (кто, когда, где, от кого и при каких обстоятельствах зафиксировал информацию)» (Татьяна Канева).

Возможности архива восполнить отсутствующую атрибуцию записей весьма ограничены, как и перспективы использования таких источников в будущем. Вместе с тем никто из участников дискуссии не назвал какого-либо повода исключить или не принимать материал в архив. Напротив, Елена Перехвальская предостерегает пренебрегать записями, сделанными непрофессионалами. «Бывает так: лингвист узнает, что в местной школе когда-то собирали слова “языка Икс”, и эти списки лежат в школьном музее или в кабинете учителя истории. Слова писали на слух без лингвистической подготовки, поэтому лингвист оставляет их без внимания, считая, что для науки они не представляют никакого интереса. Но оказывается, что записывались слова местного диалекта, который очень плохо зафиксирован и последний носитель которого умер несколько лет назад. И этот список слов при должном анализе также может оказаться важным для науки. И не на слух ли без должной лингвистической подготовки записывали слова путешественники прошлого: Надаров, Венюков, Маргаритов? А их материалы анализируются внимательнейшим образом».

2

В рассуждениях о том, как должно быть организовано пользование архивами с точки зрения прав интеллектуальной собственности, можно выделить несколько пунктов. По мнению Светланы Адоньевой, решающую роль играет статус архива: «Если это архив бюджетной организации, имеющий официальный статус, то тогда такое подразделение имеет бюджетную строку, персонал, оборудование и пр. Его существование оформлено определенными правилами хранения и, соответственно, доступа. <...> Большинство фольклорных архивов учебных заведений (университетов, училищ, школ) не имеют

статуса архива со всеми его благами и обременениями (правила хранения, температурный режим, требования к помещению, должность архивариуса и пр.). Они складываются в результате учебных практик, а вся дальнейшая организация архива происходит по инициативе руководителей практик и за счет личных, спонсорских или грантовых средств. <...> Здесь возникает зона неопределенности, в которой возможны различные решения».

При этом наряду с очевидными недостатками, которые отражаются на сохранности и доступности фондов (нет финансирования, постоянных сотрудников, соответствующего оборудования и помещения, т.е. площадки доступа), отсутствие официального статуса имеет и некоторые преимущества. Такие архивы не должны взаимодействовать с государственными службами, ни с пожарными и санэпиднадзором, ни с теми, кто осуществляет контроль над информацией и может ограничить доступность части фондов.

Близкую точку зрения высказывает Татьяна Канева, хотя и безотносительно вопросов статуса: архивные фонды государственных учреждений и их коллективов должны быть открытыми для использования в научных целях, особенно крупные центральные хранилища, тогда как индивидуальные архивы следует рассматривать как частную собственность. Говоря о проблемах доступа, она также обращает внимание на то, что график работы архивов не учитывает специфику работы в фондах приезжих пользователей. В результате «себестоимость» найденного и скопированного материала оказывается слишком высокой, что препятствует введению архивных источников в научный оборот.

Похоже, для зарубежных участников дискуссии ответ на вопрос о доступности архивных фондов и правах интеллектуальной собственности более очевиден. Как пишут Ирена Саленице и Зане Стапкевича, «условия пользования нашим архивом [Центра устной истории Даугавпилсского университета] принципиально ничем не отличаются от пользования другими архивами Латвии и в полной мере отвечают законодательству Латвийской Республики, в первую очередь Закону об авторском праве ЛР <...> и Закону о защите прав физических лиц ЛР. <...> При публикации информации, почерпнутой из источников, ссылка на коллекцию ЦУИ ДУ обязательна. На наш взгляд, таким образом в целом соблюдаются права интеллектуальной собственности в отношении ЦУИ ДУ как держателя коллекции источников устной истории». Доступ к коллекции «Архивы исторических и этнографических идишских воспоминаний», хранящейся в помещении Архивов традиционной

музыки Индианского университета, определяется договором, специально разработанным именно для этой коллекции, который призван обеспечить интересы архива и приватность информантов (Дэвид Рансел, Джеффри Вейдлингер).

В целом российские участники тоже считают предпочтительным «вариант, когда правила работы архива разработаны и утверждены официально (что прописано в Положениях об устном архиве). В таких положениях регламентируются права собирателей и учреждения, условия передачи, хранения, использования, опубликования или тиражирования тех или иных материалов и проч.» (Юлия Крашенинникова). Однако в реальности нередко можно наблюдать типично российскую ситуацию: правила работы определяются устными инструкциями руководства и неформальными отношениями работников архива и пользователей. «Даже и получив материалы, исследователь может столкнуться с требованием подписать обязательство не публиковать данные, с которыми он работает, что лишает работу смысла, а науку в целом — перспектив развития» (Валерия Колосова).

Светлана Амосова видит причину расхождения письменных и устных правил в следующем: «Формально архив института является открытым для всех желающих, но в большинстве случаев научные сотрудники, оберегая свою (или, как им кажется, свою) интеллектуальную собственность, налагают неформальный запрет на использование этих материалов, сообщая об этом хранителю архива. Таким образом, человек “с улицы”, т.е. из другого научного учреждения, ограничен в доступе к источникам». Эту ситуацию упоминает и Александра Ипполитова.

По словам Татьяны Ивановой, такое положение является нормальным, в том числе и для государственных архивов: «Будет ограничиваться доступ, если поступило нечто новое и кто-то из сотрудников Пушкинского Дома этой темой занимается. По сути дела, это единственный параметр, по которому можно закрыть материалы, с моей точки зрения». В смысле прав интеллектуальной собственности эта позиция находит логичное объяснение, которое приводит Светлана Адоньева: «Я считаю фольклорный архив, который находится в нашем ведении, результатом коллективного труда наших информантов и собирателей, <...> поэтому политика открытости архива, как мне представляется, должна учитывать интересы лиц, его формирующих. Все, кто в то или иное время вложил свой труд в создание и пополнение этого архива, имеют приоритет в отношении права на публикацию тех или иных содержащихся в архиве материалов».

Татьяна Иванова и Светлана Адоньева также сходятся во мнении, что доступ к архивным материалам должен быть обеспечен не только исследователям, но и широким кругам населения, поскольку «одна из миссий полевой фольклористики — обеспечивать доступ к устному культурному наследию» (Светлана Адоньева). Другой позиции придерживается Татьяна Володина, называя принятую форму доступа *условно открытой*: «Пользование материалами архива для научных сотрудников, аспирантов только приветствуется и ограничений не содержит, тогда как выдача записей работникам культуры или любителям требует отдельного решения в каждом конкретном случае. К сожалению, имеется грустный опыт, когда такие “любители” открывают собственную, скажем, целительную практику и начинают использовать отрывочные и в целом непригодные для этого фольклорные архивные записи».

Татьяна Володина также пишет о том, что «право интеллектуальной собственности при цитировании записей утверждается обязательным указанием собирателя, независимо от места основного хранения материала. Указание архива организации вместе с тем повышает уровень доверия к материалам, полученным от студентов, любителей и т.д.». Похожее мнение высказывают несколько человек. Ирена Салениеце и Зане Стапкевича замечают, что, хотя вопрос об авторстве устных источников пока остается открытым, именно интервьюер во многом предопределяет результат. С этой точки зрения, при цитировании недостаточна ссылка только на информанта, оставляющая интервьюера за скобками.

В особую категорию входят хранители «самодеятельных» собраний. Несомненно, их права также должны быть отрефлексированы и учтены. При этом с позиции научного сообщества они, вероятно, будут приближены либо к правам архивов, принадлежащих научным организациям / коллективам, либо к правам информантов — в зависимости от того, идет ли речь об учреждении (например, национальном культурном центре) или об отдельном человеке / семье.

3**4**

Вопросы о правах информантов и этических основаниях для ограничения доступа к устным материалам продолжают тему полевой этики, которая обсуждалась в пятом номере нашего журнала¹. Однако в связи с архивами эта тема звучит несколько иначе. Кроме того, за прошедшие шесть лет ситуация неминуемо изменилась: как под влиянием западных этических норм, так и с развитием информационной среды. В эпоху Интернета люди легче могут обнаружить сведения о себе, своих

¹ Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 7–166.

родных и знакомых, записанные в ходе полевого исследования и в том или ином виде размещенные в Сети; это требует тщательнее обеспечивать их анонимность при публикации, о чем пишет Влада Баранова. С точки зрения Владимира Богданова, «сейчас, с развитием Интернета, информация стала еще более доступной. Именно это обстоятельство (а вовсе не абстрактные попытки некоторых исследователей в своих работах разрушить грань между “нами” и “ними”) и стирает границы между исследователем и носителем традиции».

Вместе с тем разрыв между западной и российской традициями по-прежнему очень велик. Как замечает Валерия Колосова, «если в западной полевой этике, где принято брать с респондента расписку о его осознанном согласии на интервью и публикацию данных, права информанта начинаются до начала сбора материала, то у нас они скорее соблюдаются при подготовке публикации». При этом представление о правах информанта в лучшем случае ограничивается стремлением обеспечить его анонимность. На практике это означает, что интервью, записанное с очевидными нарушениями этических норм, тем не менее может быть помещено в архив и использовано для публикации. Считается достаточным не указывать в «паспортных данных» имена информантов и мелкие населенные пункты (ср. ответы Ирины Назаровой).

Другие варианты решения этической проблемы постфактум предлагает Татьяна Володина. Если интервью содержит слишком личные сведения или описание конфликтов, в которых фигурируют конкретные люди, если информант прямо произнес, что его слова предназначены только для собирателя, можно либо вообще не помещать запись в общедоступный архив, либо иметь две версии: «официальную» для архива организации и полную для личного архива собирателя. Подобные сообщения в отношении компрометирующей или просто приватной информации, полученной в ходе доверительной беседы, высказывают Татьяна Иванова и Юлия Крашенинникова. В конечном счете, право и обязанность принимать решение остаются за собирателем, а само решение «зависит не столько от прописанных и установленных кем бы то ни было правил, профессиональной компетентности, сколько непосредственно от личных качеств собирателя, ответственности его перед информантами и перед самим собой» (Татьяна Володина).

У некоторых участников дискуссии другой взгляд на права информантов, в нашей традиции пока не слишком распространенный. Светлана Адоньева считает, что порядок публикации устных материалов, помещенных в архив, должен определяться договоренностью между собирателем и информан-

том. По мнению Светланы Амосовой, тот, кто дает интервью, имеет право устанавливать и доступ к материалам. Основанием этого должно служить не устное соглашение, а заранее подготовленный документ, в котором необходимо указать правила хранения и использования записи. То же касается особого режима хранения, т.е. ограничения доступа к личным данным, отдельным темам и пр., что также должно быть зафиксировано в письменной форме. Как она пишет, такая практика постепенно распространяется на постсоветском пространстве, в частности существует в архиве Центра устной истории Даугавпилсского университета.

Можно только порадоваться, что эта позиция оказалась не чужда тем, кто имеет самое непосредственное отношение к заведению крупными архивными фондами. «Звуко- и видеозаписи чаще всего рассматриваются как интервью. При таком подходе право интеллектуальной собственности переносится на собирателя. Права информантов (народных исполнителей) оказываются призрачными. Письменные материалы рассматриваются как *документы*, использование которых может иметь различные (в том числе — негативные) последствия как для информантов, так и для собирателей. <...> Вероятно, следует разработать специальную программу, в которой были бы грамотно отражены проблемы использования фольклорно-этнографических материалов, условия доступа к ним при решении научно-просветительских задач на разных уровнях с учетом защиты интересов научных учреждений, частных держателей фондов и самих народных исполнителей» (Андрей Власов и Юрий Марченко).

На этом фоне особенно полезными представляются подробные описания организации хранения и использования устных материалов в архивах Канады, Латвии и Соединенных Штатов, которые прислали зарубежные участники нашей дискуссии. С одной стороны, в этих странах приняты формализованные этические процедуры, которые авторы признают необходимыми, хотя трудоемкими и не во всем адекватными специфике гуманитарных исследований. С другой стороны, в зависимости от конкретных обстоятельств формальные требования могут иметь подвижки, а сотрудники научных проектов и архивов — возможность вводить дополнительные ограничения, чтобы обеспечить права и безопасность информантов.

Одним из основополагающих в западной традиции считается право информанта точно знать, где будет храниться его свидетельство, и самостоятельно определять, на каких условиях и кому оно будет доступно. Дэвид Рансел и Джеффри Вейдлингер замечают, что только таким образом может быть соблюден фундаментальный для устной истории принцип информиро-

ванного согласия. Кроме того, «у информанта должна быть возможность внимательно просмотреть интервью, а также добавить, изменить или убрать любые фрагменты текста перед тем, как интервью будет считаться законченным. <...> Демократический принцип предполагает, что информант обладает полным контролем над своими высказываниями, у исследователя же такого права на слова интервьюируемого нет. Если информант удовлетворен тем, как представлены его мысли и точка зрения, его просят подписать дарственную (gift of deed), на основании которой запись передается в хранилище. Отныне свидетельство может быть использовано исследователями на условиях, оговоренных в дарственной, которая может содержать и запрет на доступ к свидетельству в течение определенного времени». Впрочем, авторы оговаривают, что такая процедура является идеалом, который не всегда возможно реализовать в условиях работы в других странах (в частности, на постсоветском пространстве).

Сходным образом процесс получения устных материалов, которые могут быть затем помещены в архив, описывают другие зарубежные участники. Формальные процедуры не означают того, что ответственность за возможные последствия публикации интервью возлагается на самого информанта. По словам Ирены Салениеце и Зане Стапкевича, «ограничения налагает держатель коллекции, так как именно архив в первую очередь несет ответственность перед информантами».

В канадской традиции это осуществляется следующим образом: «Иногда я чувствую, что часть интервью может нанести вред человеку, которого я интервьюирую, или людям, которых он или она описывает. В подобных случаях эти фрагменты звукового файла заглушаются после того, как интервью закончено, но перед тем, как материал выложен онлайн. Аспирант, который работает составителем указателя, проходит специальную этическую подготовку в университете Альберты и подскажет мне, что те или иные разделы того или иного звукового файла содержат информацию, которую можно считать рискованной или приватной. Я проверяю это, и, если я согласна с мнением сотрудника, эта информация тоже глушится. <...> Мы очень внимательны в том, что касается этой процедуры, поскольку звуковые файлы выкладываются онлайн и доступны на сайте неспециалистам» (Наталья Кононенко). Особая осторожность требуется от исследователя при публикации сведений, полученных при работе в авторитарных и репрессивных обществах. В частности, она принуждает скрывать реальные имена информантов, несмотря на то что, с точки зрения устной истории, это может поставить под сомнение надежность источников (Дэвид Рансел и Джеффри Вейдлингер).

В Центре устной истории Даугавпилсского университета материалы, на публикацию которых наложены ограничения, включают в общий каталог, но помечают особым образом. Работающие с ними исследователи «берут на себя ответственность за то, что будут действовать в соответствии с указаниями информанта и не предадут огласке то, что информант не считал возможным. Проконтролировать дальнейшее поведение исследователя у архива возможности нет, и остается полагаться на порядочность исследователя. Но такая же практика существует и в других местах: архив или музей, сохраняя различные материалы и предоставляя их исследователям, рассчитывает на то, что они будут добросовестны и корректны. Моральную ответственность за разглашение не подлежащего огласке несут те, кто это сделал» (Ирена Салениеце, Зане Стапкевича).

Если в недалеком будущем российские архивы начнут трансформироваться в сторону расширения обмена информацией и большей доступности фондов (на что хотелось бы надеяться), им скорее всего придется усвоить и некоторую часть западных этических практик. Очевидно, в значительной степени это затронет работу собирателей, поскольку «это единая связка — архивы и экспедиции» (Татьяна Иванова).

Авторы единодушны в том, что материалы не должны изыматься из архивов. Случаев их намеренного уничтожения в наши дни никто не привел. (Как уже говорилось, в архивах, не имеющих официального статуса, утрата полевых записей происходит и связана с невозможностью обеспечить сохранность фондов.) Пример Натальи Комелиной относится к советскому времени: в 1948–1950 гг. «из фольклорного фонда Рукописного отдела Пушкинского Дома были изъяты и уничтожены материалы политического, блатного и порнографического содержания», а через двадцать лет такого же рода источники были отобраны и помещены в коллекцию «Особое хранение». Как пишет Татьяна Володина, «к сожалению, особого режима хранения в условиях современной Беларуси требуют и записи так называемого политического фольклора, анекдотов на тему власти и т.д. Каким должен быть этот особый режим, решается всегда на месте и практически всегда хранителем / руководителем архива исходя из профессиональных и не в последнюю очередь человеческих качеств».

Что касается правомерных, с точки зрения отвечавших, ограничений доступа, то кроме уже названных оснований: приоритета сотрудников архива, о чем писали некоторые российские участники; формального повода (отсутствие письменного разрешения информанта), актуального пока только для западной традиции; и этических оснований, признаваемых всеми, —

было названо еще два. Во-первых, это техническое состояние записей (Андрей Власов и Юрий Марченко, Татьяна Иванова) и, во-вторых, надежность содержащейся в них информации. «Особый режим хранения и доступа я бы оговорила для записей заведомо некачественных, какими бывают иногда студенческие, чаще любительские материалы. Это предохранило бы от тиражирования непроверенных или даже фальшивых данных. Такое, казалось бы, очевидное требование не всегда выполняется в потоке приема материалов студенческих практик. <...> К сожалению, таких примеров немало в региональных сборниках гомельского фольклора, что значительно подрывает степень доверия к иным содержащимся там материалам» (Татьяна Володина).

Думается, дело не в особом режиме хранения, а в том, что все экспедиционные материалы должны сопровождаться информацией о том, кем и при каких обстоятельствах они были собраны. В своем ответе-эссе Владимир Богданов пишет следующее: «Полнота и достоверность полученной исследователем информации зависит и от правильности выбора информанта, и от его статуса в изучаемом исследователем социуме, и от конкретных обстоятельств, в которых ведется беседа, настроения респондента, от того, насколько исследователь смог его расположить к себе, и т.д. Многое зависит и от личности самого исследователя: его возраста, социального положения (студент или уже профессиональный ученый)». Автор приводит примеры, когда полевая информация прочитывалась ошибочно. В частности рассказывает о ситуации, когда опытные полевики, много лет выезжавшие на Южную Вятку и работавшие с одними и теми же информантами-старообрядцами, допустили при публикации большое число неточностей.

Во всех этих случаях ошибки были сделаны на основании источников, которые исследователи собрали сами. В этом отношении вопрос о надежности «чужих» материалов, помещенных в общедоступный архив, остается открытым, и вряд ли на него может быть дан однозначный ответ. По-видимому, единственным способом снизить вероятность получения недостоверной информации остается максимально полная паспортизация архивных записей.

5

Состоявшийся обмен мнениями о проблемах описания и систематизации устных материалов в архивах и о возможностях, предоставляемых новыми технологиями, кажется не только полезным, но и намечающим некоторые перспективы (отчасти благодаря тому, что обсуждение вышло за рамки вопросов, которые сформулировала редколлегия).

Перечислим основные проблемы, названные участниками дискуссии. Обычно у исследователя есть возможность работать только с одним видом источников: звуковой (видео-) записью или транскрипцией; при наличии того и другого они могут храниться отдельно, равно как фотографии и другой полевой материал. Во многих случаях разные материалы одной экспедиции и даже одного интервью оказываются не соотнесены друг с другом, т.е. аудио- / видеозаписи не имеют отсылки к расшифровке или полевому дневнику и наоборот. В фольклорных архивах единицей хранения, как правило, является отдельный текст, а не интервью, в результате чего утрачиваются логика разговора и общий контекст. В то же время хранение по интервью, которые тематически никак не дробятся, сильно затрудняет поиск. Материал структурирован в соответствии с чужими представлениями о предмете и объекте данной дисциплины. (Впрочем, как пишет Светлана Адоньева, «независимо от того, какова технология хранения, принципы организации информации всегда отражают (точнее — воплощают) представления и убеждения того или тех, кто этот массив организует».) Наконец, нужная коллекция может быть вообще не систематизирована, и исследователю приходится самому ее разбирать, находить необходимые материалы и составлять каталог (как в случае, описанном Натальей Тучковой).

Проблема, с которой сталкиваются сами архивы, уже называлась: новые записи не встраиваются в существующую в систему классификации. «Проблемы систематизации устных текстов начали остро ощущаться с переходом от “штучной” записи песен к фиксации беседы. Естественно, диалог не строится строго в форме “вопрос — ответ” как готовая единица с определенным жанровым содержанием, а представляет собой живую беседу, во время которой всегда возникают отклонения от заданной темы, возвращение к прежним вопросам, или просто к бытовым деталям, или даже к личности собирателя. <...> В результате получается довольно длинный фрагмент, который трудно разбить на привычные единицы хранения и “расписать” в соответствующей описи. Чаше это ряд самостоятельных текстов, хотя и соединенных логическими или формальными связками в речи информанта» (Татьяна Володина).

По мнению Евгения Сафронова, основная проблема описания и систематизации связана со спецификой материала, т.е. с тем, что он является *устным*. «Вполне закономерны в этом отношении и размышления о необходимости “гипертекстового” (“объемного”) подхода к исследованию и хранению фольклорного материала. <...> Само употребление терминов “гипертекстовый” и “нелинейный” по отношению к фольклорным материалам на каком-то почти ассоциативном уровне влечет

за собой и размышления об интернет-технологиях и мультимедийных возможностях <...> Проще говоря, например, видеозапись всей беседы между собирателем и информантом (без пауз) или расшифрованный текст с активными гиперссылками на соответствующие региональные сюжетные и мотивные варианты, возможно, чуть адекватнее отражают то, с чем мы “в действительности” имеем дело при работе в поле».

Некоторые участники дискуссии замечают, что новые технологии могут что-то дать пользователям, но не самим архивам. Вряд ли такое противопоставление обоснованно: в большинстве хранилищ работа по систематизации фондов ведется теми людьми, которые используют их для своих исследований. Понятно, что применение цифровых технологий плодотворно уже с точки зрения сохранности архивных коллекций. Однако их сторонники обращают основное внимание на возможности систематизации материала и улучшения системы поиска. В этом отношении безусловно полезен уже имеющийся опыт, которым делятся Наталья Кононенко и Ирина Назарова, описывая, как организуется большой корпус аудиозаписей, создаются база данных и нелинейный указатель с использованием временных меток и гиперссылок, что позволяет продуктивно работать с нетранскрибированными материалами.

Между тем лингвисты, похоже, уже не только осознали преимущества новых технологий, но и считают переход к ним вполне свершившимся. Как пишет Влада Баранова, «в рамках полевой лингвистики и корпусной лингвистики создано довольно много технического оснащения, которое сейчас легкодоступно, необычайно удобно и может быть полезно фольклористам и антропологам, работающим с устными данными. Мне кажется, что нам всем можно только позавидовать, поскольку довольно долго единицей хранения в полевой лингвистике были карточки с примерами или полевые тетради. Программы для анализа звучащей речи <...> используют коллеги из разных стран (иногда представление материалов в мультимедийном виде с синхронизированным в звуком и даже изображением и расшифровкой, переводом и глоссами является формальным требованием грантодателей), что предполагает единые стандарты хранения устных данных и применение совместимого программного обеспечения». Приводимый ею перечень программ с интернет-ссылками наверняка многим читателям окажется полезен.

Наконец, существует необходимость более глобальной систематизации данных. Александра Ипполитова и Наталья Комелина пишут о том, что проекты общего для всех архивов описания фольклорных материалов и создания межархивного спра-

вочника по российским фольклорным архивам и фондам обсуждались еще в 1930-е, 1960-е и 1980-е гг., но так и не были реализованы. Именно обобщение разрозненной информации об архивах и их фондах (в форме печатного справочника, на едином интернет-портале) представляется наиболее актуальным. «Современной фольклористической архивистике не хватает системности. Существует множество локальных проектов, никак не связанных между собой и нередко по отдельности решающих одни и те же проблемы. До сих пор нет ни межархивного справочника, ни справочника фольклорных центров, ни стандартов организации фольклорного архива, ни общепринятых правил доступа к материалам, ни стандартов сайта фольклорного архива, ни, наконец, учебника по фольклорному архивоведению или вузовского курса по аудиовизуальным архивам для фольклористов и антропологов» (Александра Ипполитова).

По ее словам, с этой темой неразрывно связана проблема учета фольклорных экспедиций: «Сколько их проводится в год? Куда они выезжают? Как изменились их численность и направленность за последние годы? Как найти материалы экспедиции (или хотя бы их описание), если учреждение, ее проводившее, закрыто и его архив исчез?» (Ср. другой аспект связки «экспедиции — архивы» — соображения Евгения Сафронова о том, что полевая работа должна быть скорректирована с учетом будущего хранения материала.)

Именно в этом ракурсе — отсутствие обобщенных систематизированных сведений о существующих архивах и экспедициях — говорит об этой проблеме Татьяна Иванова: «Это сейчас самая главная болевая точка. Чтобы эту проблему хоть как-то решить, нужен сайт, где бы были паспорта “полугосударственных” и личных архивов. Такой сайт нужен для обмена каким-то опытом и информацией. <...> Это должен делать кто-то из молодых и из тех, кто наделен некоторой харизмой, некоторым желанием, энтузиазмом и т.д. Это выход, некая перспектива на будущее».

Хочется надеяться, что состоявшаяся дискуссия внесет некоторый вклад в осуществление наметившейся перспективы. Редколлегия благодарит всех участников обсуждения.